
18+
Инна Сергеевна Тронина
Жизнь за президента
Тайны XX века

Инна Тронина

Жизнь за президента. Тайны XX века

«Издательские решения»

Тронина И. С.

Жизнь за президента. Тайны XX века / И. С. Тронина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831310-3

Книга переносит читателя в далёкий 1963 год. Готовится покушение на президента США Джона Ф. Кеннеди. Пасынок одного из заговорщиков, 19-летний Алекс Осборн, изо всех сил пытается предотвратить трагедию…

ISBN 978-5-44-831310-3

© Тронина И. С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог-1 6
Пролог-2 17
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Жизнь за президента
Тайны XX века
Инна Сергеевна Тронина

Трилогия, принадлежащая перу мастера остросюжетного жанра Инны ТРОНИНОЙ, повествует о двух президентах и премьер-министре (в 2017 году они могли бы отметить свои юбилеи), а также о людях, которые искренне их любили.

К этим трём лидерам XX века можно относиться по-разному. Объединяет их одно – патриотизм и преданность своим идеалам, способность стоять до последнего…

© Инна Сергеевна Тронина, 2016

ISBN 978-5-4483-1310-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Россиянка Елена Яблонская и украинец Артём Гримба обучаются в США. Они знакомятся с девяностолетней богатой женщиной, дворянкой. Её новорождённой вывезли из Петрограда в 1917 году

Предчувствуя скорый уход из жизни, Энн Осборн (в девичестве Анна Ильина) рассказывает соотечественникам о самом страшном и сокровенном – о трагической судьбе единственного сына – студента Гарварда, красавца, спортсмена и отличника. Александер был памятью об её первом муже -военном моряке, не вернувшемся со Второй мировой.

Потом вдова стала супругой богатого техасского промышленника. Отчим и ввёл Алекса в круг заговорщиков, причастных к подготовке покушения на президента США Джона Кеннеди. Алекс решил предотвратить злодеяние – пусть даже ценой собственной жизни.

Пользуясь доверием членов влиятельных техасских семейств, он внимательно наблюдал за окружающими, многое видел и слышал. Алекс сумел узнать не только день и час, но и название улицы в Далласе, где будет совершено покушение. Ему стали известны даже имена и клички трёх киллеров, ювелирную работу которых должен был прикрывать Ли Харви Освальд.

Александер всё это изложил в письме. Поскольку до часа «Х» оставалось очень мало времени, он выбрал исключительно дерзкий и оригинальный способ доставки письма до адресата, о котором вряд ли кто-то мог догадаться.

Но усилия Алекса оказались тщетными – президента убили. И молодой человек последовал за своим кумиром, симпатию к которому так долго и умело скрывал. Не желая более жить в своей стране, Алекс застрелился в тот же день, оставив мать и беременную невесту, большие деньги и блестящие перспективы…

Пролог-1

– Никак не могу привыкнуть к простоте здешних нравов!

Елена Яблонская, придерживая под острый сухой локоть древнюю старушку в трауре, обращалась к Артёму Гримбе, упитанному юноше в очках. Тот тоже помогал старушке передвигаться между надгробиями. Они втроём шли к могиле сына этой почтенной мэм, Молодые люди следили за тем, чтобы с ней ничего не стряслось в скорбном месте. Миссис Осборн сама не могла управлять автомобилем, и потому молодой человек сел за руль. Харьковчанин Артём и петербурженка Елена принадлежали к российским продвинутым семьям и уже четвёртый год обучались в Штатах.

– Возьмём, к примеру, жизнь и смерть. Ни фальшивой музыки, ни причитаний, ни пьянок с драками, ни песен с плясками нет на похоронах! Рассказали бы – не поверила…

– Согласен. Незачет. – Артём обожал изъясняться на ультрамодном «олбанском». – Похороны постные, а поминки скучные. Идёт вереница леди и джентльменов в чёрном – трезвые до мути. Нет бы повыть, по земле покататься, в могилу прыгнуть! Соберутся вокруг пастора, он им книжку почитает – и по домам. Какой там файтинг и бухло! Фиг тебе! А потом только камень на травку поставят, золотые буквы – и то редкость. На что им их лавандос? Где гробы как царская постель? Где золотые мобильники? Где орхидеи под колёсами катафалка? Свалю я отсюда – отстой сплошной! Бессолевая диета!

Артём тяжело вздохнул и замедлил шаг, потому что старушка не поспевала за полными сил студентами. Квартирная хозяйка Артёма попросила их присмотреть за этой древней миссис Осборн, которой вдруг потребовалось навестить родную могилку. Старушка, судя по всему, вскоре намеревалась встретиться со своим отпрыском на небесах, но всё-таки решила в последний раз навестить его земное пристанище.

У миссис Осборн была куча хворей, она уже давно не выходила из своего шикарного дома на берегу Мексиканского залива. Мать семейства, принявшего Артёма Гримбу на всё время учёбы, часто обсуждала богатство и привычки старушки, но обсуждала почтительно, по-доброму. Вчера миссис Осборн позвонила и попросила найти ей парочку сопровождающих для визита на кладбище – совсем ненадолго, часа на три-четыре. Хозяйка, миссис Уинстон, объяснила Артёму ситуацию и попросила помочь миссис Осборн, которой она, Марта, очень по жизни обязана. Не вникая в подробности их взаимоотношений, Артём проигнорировал поездку с компанией в бар. Более того, утащил с собой и рыжеволосую бестию Лену Яблонскую, с которой все эти годы просто платонически дружил.

Спал дневной зной, залив дохнул солёной влагой, и Елена с Артёмом по набережной, вдоль которой шуршали жёсткими листьями пальмы, проследовали к воротам дома миссис Осборн. Там их встретил старик в форме, напоминающий английского дворецкого. Он дал молодым волонтёрам кое-какие указания. В частности сообщил, что в браслете у миссис Осборн вмонтирована тревожная кнопка, и с её помощью, если что-то случится, можно вызвать врача.

– Почему-то эти полянки и камни не связываются в моём понимании со смертью и страданиями, – немного погодя призналась Лена, прищурив свои «керосиновые» глаза.

В следующую секунду она опустила очки, приглушив свет заходящего солнца. Артём между делом отметил, что к прозрачным желтоватым глазам Лены, к её огненным кудрям очень идут мелкие, едва заметные даже на белой коже веснушки.

– Обрати внимание на памятники – скромность и простота, надписи чёрным по светлому камню. Кладбище – не то место, где можно кичиться богатством. Мёртвые равны перед Богом, и здесь это видно. А у нас и после смерти никуда не уходит желание самоутвердиться. Даже в загробном мире богатые остаются богатыми, а бедные – бедными…

– Да здесь целые улицы заселены миллионерами, – буркнул Гримба. – Ты на «тачки», на виллы их посмотри! Наши по сравнению с ними – лузеры полные! А в мир иной уходят естественно и просто, не стараясь ни на кого произвести впечатление!..

– Ты заметил, что у кладбищ здесь нет ограды?.. – начала Лена и вдруг почувствовала, что старушка, о которой они совсем забыли и вели её машинально, вздрогнула, а потом остановилась.

Она вытянула шею, тонкую и дряблую, а её голова в широкополой шляпе с вуалью задрожала от напряжения. Правая рука в чёрной кружевной перчатке сжимала маленькую лакированную сумочку, левая, тоже в перчатке – рукоять изящной тросточки. Сухое маленькое тело было почти невесомым Но лицо, изуродованное морщинами, и сейчас сохраняло следы былой красоты. Горе и годы пригнули миссис Осборн к земле, и она существовала только как память о себе, прежней.

– Что с вами? Вам плохо? – всполошилась Елена.

Артём немедленно полез за рукав старушки искать тот самый браслет с кнопкой, чтобы поскорее приехал врач. Ещё того не хватало, чтобы старушка упала в обморок или вообще скончалась здесь, в их обществе, и пришлось бы давать властям долгие, нудные объяснения.

– Миссис Осборн, мы знаем, что нужно делать! Одну минуту!

Лена вертела головой в поисках скамейки, куда можно было посадить старушку. За всё то время, что они ехали в автомобиле и шли по аллее, та не произнесла ни слова, а сейчас вдруг разомкнула ярко накрашенные пожухлые губы. Блеснул ровный ряд искусственных зубов, и Елена с изумлением увидела, что старушка улыбается.

– Не нужно доктора, я в порядке! – произнесла она неожиданно звучным голосом, и это удивило Елену с Артёмом.

А в следующую секунду они оба почувствовали, как кровь прилила к их щекам. Старушка говорила по-русски, с лёгким акцентом, и дошло это до них почему-то не сразу. А когда дошло, Артём моментально взмок, а Елена закусила нижнюю губу, стараясь как можно скорее забыть об их разговорах. Студенты считали полоумную старуху чем-то вроде вещи, болтали при ней всё, что приходило в голову, а она оказывается, понимала…

– Простите, что я сразу не открылась!

Миссис Осборн смотрела на них смеющимися синими глазами – не мутными, ясными, и тоже красивыми. Лене на мгновение показалось, что сейчас она превратится в молодую женщину; но даже это не потрясло бы их так, как несколько русских слов.

– В таком случае вы бы стеснялись меня, не были бы столь искренни и откровенны… Ужасно было слушать про то, как провожают сейчас в России мёртвых! Раньше так не было. Люди умели уважать чужую смерть. А нынче… Нет ничего ужаснее раба, незаслуженно ставшего господином. Пойдёмте, милые, там есть скамья, – поторопила старушка своих остолбеневших спутников. – Я уже давно не могу подолгу стоять. В ноябре мне, если доживу, будет девяносто один…

– Вы великолепно говорите по-русски, миссис Осборн! – Елена первая обрела дар речи. – Позвольте узнать каким образом…

– Ничего удивительного.

Старушка пошла быстрее. Видимо, ей придал сил потрясающий эффект, вызванный неожиданным признанием.

– Я родилась в Петрограде за неделю до большевистского переворота. Меня звали Анна Ильина…

– Невероятно! Я тоже из Питера! – Лена даже взвизгнула от удивления. – А миссис Уинстон знает, что вы?..

– Нет-нет, Марта не знает, хотя мы давно знакомы. Для неё я – Энн Осборн. Это фамилия моего первого мужа Джона. Мы обвенчались в сорок третьем, перед его отъездом на фронт. Вот, пожалуйста, садитесь. Места хватит всем.

Старушка с облегчением опустилась на ещё тёплый мрамор скамьи, положила на колени ридикюль, а трость прислонила к скамье.

– А вы откуда, Артём? Тоже из России?

– Нет, с Украины. Родился в Харькове, но потом наша семья переехала в Киев. – Гримба тоже плюхнулся на скамью.

Лена устроилась слева от старушки, бессознательно стараясь поддержать её плечом.

– Теперь мне кажется, что именно этого дня я ждала долгие годы, – еле слышно сказала Анна.

Силы покинули её, но разум оставался кристально ясным и твёрдым. Давно уже не привычная речь не лилась так свободно, без запинок и пауз.

– Наверное, до осени мне не дотянуть. И я должна многое рассказать вам, своим землякам. Мне уже никогда не увидеть низкое пасмурное небо, не услышать плеск Невы. Меня похоронят вот здесь, видите? Рядом с могилой сына достаточно места. Завещание составлено, остаётся только ждать. Душа моя устремится в Петербург, а тело останется под вязами. Я так и не смогла привыкнуть к ярким, ненатуральным краскам юга. Обязательно переехала бы, к примеру, в Канаду. Но именно здесь погиб сын, и я не имею права предать его ещё раз. Моя семья жила в Петрограде на Александровском проспекте. Я узнала, что теперь он носит имя Добролюбова. Меня крестили в Князь-Владимирском соборе. Я считаю, что Марте пока ни к чему знать об этом. Но я специально попросила её дать мне вас в провожатые. Сказала, что отпустила прислугу на сегодня. Я поняла, что должна исповедаться как можно скорее. Не могу сказать, что здесь не бывает русских. Бывают, но они, несмотря, ни на что, чужие мне люди. Мне не хочется быть с ними откровенной. А вы мне понравились. Марта Уинстон рассказывала о своём госте. Оказалось, что и девушка у него прехорошенькая.

Анна чуть повернула голову, чтобы лучше рассмотреть Елену, и в её сморщенных ушах сверкнули бриллианты. Елена не стала объяснять ей, что она – вовсе не девушка Артёма, а просто однокашница, как выражались раньше. К делу это никакого отношения не имело.

– Милые дети мои! – Голос старушки снова зазвучал торжественно, печально. – Мне мало осталось жить, а я хочу оставить миру свою правду. Хоть кто-то должен знать, что произошло почти сорок пять лет назад. По сравнению с трагедией целого государства остаётся незамеченной боль одного человека. Взгляните… – Анна попыталась приподняться, но не сумела, и потому указала на камень концом своей тросточки. – Моему сыну Александру было девятнадцать. Наверное, вы с ним ровесники…

– Мы чуть старше, – дрогнувшим голосом сказала Елена.

Круглое лицо Артёма похудело, и он зачем-то одёрнул короткие рукава рубашки-поло.

Надпись на белом мраморе гласила, что здесь покоится несчастный Александер Джон Осборн, погибший 22 ноября 1963 года.

– Нам за двадцать.

– Это ничего. – Анна смотрела на них мокрыми синими глазами, шарила рукой в сумочке и никак не могла найти платок. – Ничего… – Она всхлипнула. – Мой первый муж, чью фамилию я приняла после развода со вторым, погиб на Второй мировой. Это случилось в Тихом океане, в сорок четвёртом, Я осталась на седьмом месяце беременности. Восемнадцатого сентября родила двойню, сына и дочь. Девочка умерла сразу же, а мальчик был со мной девятнадцать лет и два месяца…

– Какая жалость!

Елена не знала, что должна говорить сейчас, и надо ли вообще бросать реплики. Артём, привыкший выражаться на жаргоне, про себя, наверное, произнёс: «Аффтар жжёт!», но вслух, разумеется, ничего не сказал и только пошевелил толстыми губами.

– Сейчас бы ему было шестьдесят четыре, – пробормотал Гримба и прикусил язык, не зная, как прореагирует безутешная мать. Но всё-таки не утерпел и осведомился: – А что конкретно случилось с вашим сыном?

– Он застрелился. Так поступали офицеры, будучи не в силах пережить позор, бесчестье. Не одно поколение Ильиных посвятило себя военной службе. Видимо, характер и воля деда, полковника царской армии, перешли и Алексу. И его отец, Джон… Он ведь героически погиб в морском бою с японцами. Сын не мог быть другим. И вышло так, что он проиграл неравный, безнадёжный бой. Его дух был мёртв, а тело ещё жило. В таком состоянии Алекс существовать не мог и поэтому убил себя. Уехал в Техас-Сити, это совсем недалеко отсюда. В порту, зайдя предварительно по грудь в воду, спустил курок. А накануне мне приснился ужасный сон. Как будто я сбежала из госпиталя, где родила его. Во сне я несла на руках новорожденного сына, его босые ножки торчали из пелёнок, а головка была обмотана белым. И я, как ни старалась, не смогла стащить ткань с личика и натянуть на ножки…

Лена Яблонская, вытащив платочек из кармашка клетчатой ковбойки, вытирала слёзы. Артём Гримба крепился, сжимая крупные кулаки на коленях. Анна Осборн, приглядевшись, схватила их за руки.

– Вы жалеете его?! Плачете по моему сыну, Елена? Пошли вам обоим судьба долгие и счастливые годы жизни, пошли счастье! Алекс, Саша, как я его мысленно называла, не захотел жить, так проживите за него! Моих слёз и слёз невесты Терезы ему мало, он требует ещё. Мне кажется, что сын не хочет встречаться со мной и вынуждает прозябать вот так – в тоске, в одиночестве. Он жаждет покаяния. Да, я виновата больше других – не сберегла, не уследила. Он оставил мне вот эту записку.

Анна открыла сумочку, достала истёртый до лохмотьев листок бумаги.

– Почти сорок пять лет я читаю её и не могу понять… Зачем всё же он так поступил, не подумал о нас? Как когда-то его предки умирали за царя, сын пожелал умереть за своего президента. А тот был уже мёртв. Это ужасно! Ничего не исправить… Моя жизнь с тех пор – ад. Не знаю, обрету ли я покой после смерти. Казалось, чаша страданий испита до дна. Ведь моя жизнь складывалась не очень счастливо. Моего дядю, Павла Ильина, тоже офицера, убили ещё во время Февральской революции. В те же дни папа, рано овдовевший и очень виноватый перед покойной супругой, женился на англичанке, гувернантке своих детей. Она уже была беременна мною. Первая папина жена была француженка, принявшая православие. Маме перед венчанием пришлось сделать то же самое. Сразу же после взятия Зимнего дворца отец принял решение. Спустя две недели он вывез семью через Белоостров в Финляндию. Далее мы перебрались на мамину родину в Ковентри. Я училась говорить сразу на трёх языках – английском, русском и французском. Уже после, в Америке, меня все считали англичанкой. Кстати, я гостила в Петербурге, когда он ещё назывался Ленинградом. Лет восемнадцать назад, при Горбачёве. Побывала, кроме обычных экскурсий, и у нашего дома, побродила по улицам. Несмотря на то, что практически не жила в России, поняла, что люблю её. Слёзы подступали к горлу, когда я видела свой родной город и понимала, что уже никогда не смогу вернуться. А вот Алекс даже не подозревал о том, что имеет русские корни. О греческих корнях знал, да… В той атмосфере страха и подозрительности, что царила здесь, мальчику не следовало переживать ещё и из-за этого. Он и без того был чересчур ранимым. Американкой я стала в сороковом. Уехала вместе с Владимиром, сводным братом. Сначала мы жили в Айове, у деда миссис Уинстон. Это потомственные фермеры. Разводили коров, выращивали кукурузу. Они – очень дальние мамины родственники. Когда мой отец скончался от осложнённого воспаления лёгких, мама собралась замуж за своего друга детства, владельца нескольких небольших магазинчиков. Мы,

дети, начали самостоятельную жизнь. Красавице Натали повезло больше всех. Она во Франции, у родственников по матери, встретила настоящего аристократа по фамилии де Лаваль. Вышла за него замуж, поселилась в роскошном замке близ Парижа. Владимир остался в Айове, занялся торговлей автомобилями. Жил то лучше, то хуже. Завёл четверых детей, которым оставил весьма скромное наследство. Умер двадцать лет назад от инфаркта. Поскольку у меня нет наследников, моё немалое имущество должно перейти к племянникам и их потомкам. Впрямую они об этом не говорят, соблюдают приличия. Но я чувствую – ждут…

Лена вспомнила прекрасную трёхэтажную виллу под черепичной крышей, с пальмами и папоротниками во дворе с видом на изумрудно-лазурный Мексиканский залив. Приёмную, где они с Артёмом сегодня дожидались появления миссис Осборн. Там были диваны и кресла, обтянутые чёрной кожей, чёрный же камин, настоящий персидский ковёр на полу. В этой вилле, кроме чёрной, были бежевая, красная, зелёная и голубая комнаты. И в каждой – не только обои с мебелью, но и камин соответствующего цвета. Вилла имела при себе лужайку, сад, пруд. Судя по тому, в каком образцовом порядке содержались дом и сад, а также парк автомобилей, миссис Осборн тратила на это немалые деньги. Племянников можно было понять – куш на кону стоял нехилый…

– Мы с Натали были очень похожи. Но сестра излучала какую-то особую ауру. Не ходила по земле, а будто по воздуху ступала. Я была лишена этой возвышенной, поэтической прелести. Сестра никогда не польстилась бы на деньги, не пошла бы за преступника. Она следовала раз заявленным принципам до последнего. Всего год они с Пьером-Анри наслаждались своим счастьем в родовом замке, Потом пришли немцы, боши, как их называли во Франции. Супруги де Лаваль влились в ряды Сопротивления. Спустя два года их выследили, бросили в подвалы гестапо. Потом судили, приговорили к смертной казни. Наверное, семья де Лаваль задействовала какие-то свои возможности, не знаю. Вместо того, чтобы отправить сестру и зятя на гильотину, их развезли по концлагерям. Правда, результат оказался тем же самым. Пьер-Анри был застрелен охранником вскоре после прибытия в лагерь, а вот следы Натали затерялись. Я так и не смогла разыскать её. Сестра, скорее всего, погибла, иначе непременно связалась бы со мной, Я уже лет шестьдесят рассылаю запросы. В ответ – молчание. Отклики сумасшедших и авантюристок – не в счёт. – Анна тяжело вздохнула. – Счастье, оказывается, улыбнулось именно мне. Когда закончилась война, я была молодой вдовой с грудным ребёнком на руках. Оставалось только одно – искать нового мужа. Свёкор помогал нам, но этого не хватало.

Анна плакала и вытирала глаза кружевным платочком с серебряной монограммой. Перед этим она вспрыснула себе в рот из баллончика какое-то сердечное средство.

– Мой второй муж, его брат… Они давно мертвы. Я прокляла их после гибели сына. Немедленно развелась с мистером Гелбрейтом, вернула прежнюю фамилию и уехала сюда. Получилось так, что Марта, внучка фермера, принявшего нас с братом в сороковом году, жила здесь. Это была радостная и одновременно трагическая встреча. Ведь я явилась со страшным багажом – с гробом Алекса. Похоронила его здесь, оставила место и для себя. Тогда казалось, что я вскоре лягу в эту землю. Но до сих пор жива, как Летучий Голландец, которому никак не опуститься на дно. И Марта, и её муж, добрейший Дональд, верят в чудеса. Когда глава семьи заболел, Марта возила его в Иерусалим, в купель Вифезда. Ездили они и во Францию, в Лурде, где были явления Богоматери. Конечно, Дональд долго лечился в самых лучших клиниках. И рак отступил…

– Вы на это давали деньги? – догадался Артём. – Марта говорила…

– Какое это имеет значение? – махнула рукой Анна. – Впрочем, так я и должна была сделать. В своё время, дед Марты поддерживал нас с братом. Да, я отнюдь не хочу оставить у вас неприятное впечатление о своих племянниках, о двоюродных внуках. Они навещают меня, одинокую, несчастную старуху. И я не имею права осуждать их за прагматические мысли. Они,

по крайней мере, не продают себя государственному преступнику, грязному мафиозо. Когда человек небогат, но может получить наследство, он должен попытаться сделать это. Я ведь тоже не заработала своё имущество в поте лица. Приняла причитающуюся мне долю от проклятого мною же мужа. Когда Джозеф Гелбрейт умирал в муках, и просил меня приехать к нему, я отказалась. Его брат давно уже к тому времени погиб, разбился на спортивном самолёте. Ходили даже слухи, что братьев устранили. Они знали слишком много. Но, по-моему, это была заслуженная кара. Их родовой склеп я никогда не посещала, несмотря на просьбы дочери и сына Джозефа Гелбрейта. И Алекса им не оставила. Все эти годы мы с ним были рядом. Кстати, называйте меня, как положено в России – Анна Александровна.

– Да, конечно, – кивнула Лена. Артём тоже наклонил голову.

– Прочтите записку, прошу вас!

Анна Александровна протянула затрёпанный листок Елене. Та взяла записку дрожащими пальцами и едва не уронила ее – так боялась порвать.

«Мама, ты дала мне жизнь. Возьми её обратно. И не дари больше никому. Ты не можешь быть матерью…»

– Это ужасно!

Лена подняла глаза на Анну. Она не могла судить парня, давно покончившего с собой, и о проступках его матери ничего не знала. Но если Анна позволила им, совершенно незнакомым людям, прочесть сокровенное послание от порога небытия, значит, испытывала в этом потребность. Стало быть, она не откажется ответить на вопрос, который задал бы любой нормальный человек.

– Но что, что с ним случилось? Была же какая-то причина! Такие решения не принимаются между прочим! Или он внезапно сошёл с ума?

– Расскажите, – неожиданно хриплым голосом попросил Артём. – Вам, наверное, легче станет. Чувствуется, что вам это нужно.

– Да, мне это нужно.

Анна ещё раз прыснула себе в рот из баллончика, с трудом передвинула ногу, обутую в лакированную туфлю с двумя перекидными ремешками. Чёрная вуаль на её шляпке шевелилась от вечернего бриза.

– В присутствии двух свидетелей я беру всю вину на себя. Ничего не говорите, только послушайте. Думаю, вам будет интересно. Волею судьбы мы оказались втянуты в трагические события, о которых знает весь мир. Но никто и никогда не называет в этой связи имя Алекса Осборна – самоубийцы, нераскаявшегося грешника. А ведь это я ввела его в дом Гелбрейтов. Они были богаты, а мы слишком бедны. Джон Осборн был красавец, наполовину грек, с льдисто-зелёными глазами и копной густых пепельно-каштановых волос и потрясающей кожей цвета слоновой кости Он оставил после себя лишь несколько наград, обручальное кольцо и светлую память. А сам ушёл на дно вместе с линкором. Я не видела мужа мёртвым. Мне казалось, что он вернется, и я ждала его целых двенадцать лет. А потом перестала ждать, потому что нужно было подумать о будущем сына – такого же красавца, каким был муж. Вдова может существовать, лишь получив хорошее наследство, а у нас с сыном этого не было. Пришлось подумать о новом браке. Моя мама Мэри Кэйт тоже не получила от полковника русской армии никаких денег и вышла за простого галантерейщика. Я не могла растить сына так, как хотела. Это звучит банально, но я польстилась на деньги. И эти проклятые деньги погубили моего мальчика.

– Но каким образом? – Елена наморщила гладкий лоб, не в силах понять главное. – Они не поладили с отчимом? И ваш сын застрелился?

– Это не совсем так. Гелбрейт не желал пасынку зла. Всё было гораздо сложнее. Посмотрите ещё раз, – старушка опять указала тростью на надгробие. – Алекс погиб в один день с президентом Кеннеди!

– Ах, вот оно что! Кеннеди был его кумиром? – догадался Артём.

– Да, конечно. Бог простит мне… хуже уже не станет. Братья Гелбрейты очень хотели втянуть Алекса в свою грязную игру. Мой муж Джозеф и деверь Эндрю нуждались в помощнике, молодом и толковом. Сыну Джозефа от предыдущего брака было тогда двенадцать – ещё слишком мал. Остальные родственники – женщины и старики. Выбор пал на Алекса. Он был сильным парнем, занимался спортом, прекрасно танцевал. Жаждал романтики, как все молодые. Джо из кожи вон лез, чтобы понравиться пасынку, потому что тот сперва был резко против нашего брака. Муж бросался выполнять каждое желание Алекса, засыпал его деньгами и подарками. Наконец Алекс поверил, что новый папа ему не враг. Я так была рада что они подружились! Я стала матерью большого богатого семейства, о чём мечтала в самые трудные свои годы. Пыталась собственным телом прикрыть родное гнездо от бурь и невзгод. Клялась себе и другим, что отнять своё счастье не позволю никому. Поначалу и впрямь всё складывалось удачно. Временами я даже не верила, что это не сон, и я действительно оказалась на той вечеринке, где приглянулась недавно овдовевшему Гелбрейту. Меня представили как миссис Энн Осборн, вдову героя-моряка. Нас как-то сразу потянуло друг к другу. Но Джо так и не узнал, что я из России. Жаль, что мы не выяснили отношения сразу. Сын был бы сейчас живой… Но тогда я так боялась потерять Джозефа!..

Елена покосилась на свои часики и увидела, что истекает четвёртый час их общего времени. И тут же пожалела об этом, потому что Анна встрепенулась. И до этого она говорила с трудом, голос её то и дело срывался. Поняв, что злоупотребляет терпением своих спутников, она заспешила.

– Мы скоро вернёмся домой… Приглашаю вас к себе. Если кто-то ждёт вас или ищет, предупредите… Это всего на один вечер! У вас много вечеров впереди. Вы успеете переделать свои дела. Это мне уже торопиться некуда. Конечно, мы не здесь будем беседовать. Ещё немного отдохну, и мы пойдём… Простите меня! Мне очень тяжко…

– Разумеется, мы примем ваше приглашение! – Елена переглянулась с Артёмом. – Лично у меня на сегодняшний вечер важных планов нет. А у тебя?

– У меня тоже. Кабак подождёт.

Артёму стало по-настоящему интересно, и он не пожалел об упущенных возможностях в очередной раз посидеть в ресторанчике с приятелями.

– Благодарю вас. – Анна Александровна облегчённо вздохнула. – Помогите мне подняться, пожалуйста.

Она, опираясь на свою тросточку, пыталась в сгустившейся вечерней темноте рассмотреть буквы и цифры на надгробии сына. Потом просто сказала, обращаясь к покойному:

– Пока, Алекс… Скоро увидимся!..

Елена и Артём вздрогнули от этих жутких в своём смысле слов. Их миссис Осборн произнесла по-английски. Затем снова перешла на русский.

– Пойдёмте… Потихоньку, иначе мне трудно будет говорить. А я хочу терять время, его и так слишком мало…

Они повели старушку по аллее, в ту сторону, где утопала в море огней набережная, где сигналили автомобили и перекликались люди, где гремела музыка и гудели судёнышки. Пока ещё Анна Осборн могла уйти из мира мёртвых в мир живых – на последнюю побывку. Это понимала и она сама, и её спутники, а потому минуту-две все молчали. Анна заговорила первая.

– Сначала все мои мужчины отлично ладили. Алекс любил и отчима и его сына, да и к дяде Эндрю относился неплохо. Постепенно Джо начал доверять Алексу свои секреты, а ведь он отказывал в праве много знать даже мне. И, наконец, совершил главное…

Анна Александровна буквально повисла на руках у Лены и Артёма. Потом собралась с духом и продолжала, увлекая их в сторону парковки.

– Муж, деверь и сын часто ходили на яхте под парусом, поднимались в горы, гоняли на мотоциклах и автомобилях. Я утратила бдительность и не заметила, когда Джо затащил Алекса в кабаре «Карусель», познакомил с Джеком Руби и прочим сбродом. Джо сыграл на юношеской страсти к приключениям – Алексу было восемнадцать. Джо слыл отличным психологом, ловцом душ в самом жутком смысле. Интеллигентный с виду, в очках с золотой оправой, улыбчивый, расторопный, невероятно эрудированный, очень умный… Таким, наверное, и должен быть Сатана. Джо всегда знал, что кому нужно. Я оказалась одной из его многочисленных жертв. Он просто купил меня, и всё. А Алекса соблазнил иначе. Вообще-то именно Джозеф нажил состояние, которое не снилось их с Эндрю отцу. Брат был у него на подхвате, но служил истово, верно. На невероятной проницательности и полнейшей беспринципности Джо строил своё благополучие и в дальнейшем. Только рак поджелудочной железы ему не удалось обмануть.

Анна грустно усмехнулась, будто осознав ненужность слёз и проклятий.

– Штат Техас не любил Кеннеди. Джозефа просто выворачивало при одном упоминании о президенте. А Алекс был склонен к риску и этим обратил на себя внимание. Он даже в полиции побывал из-за драки. Двое богатых оболтусов пристали к Терезе. Впрочем, и в школе жаловались на повышенную активность сына. Сама я в политику принципиально не вмешивалась. Верная жена, я всегда держала сторону мужа. У нас с Джо, признаться, была любовь. Муж обожал драчёну – белорусский омлет с сыром, обязательно приготовленный мною. А мне передала рецепт няня, уехавшая с нами в Англию. Джо считал экзотическими те блюда, к которым не привык. Таким оказалась и драчёна. Царствие небесное моей няне Поле…

На парковке Артём оглядел «Крайслер» Анны Александровны и решил, что с управлением справится. Дома, в Киеве, у него осталась практически такая же «тачка».

– Сейчас поедем.

Анна жадно дышала солёным морским воздухом. Мимо пробежала молодёжная компания, но друзей или знакомых Елены и Артёма среди них не было. Вокруг многочисленных фонарей яркими точками роилась мошкара. Под вечер заблагоухали какие-то экзотические цветы, высаженные за оградой у въезда на парковку. Похоже, их аромат очень нравился старушке.

– Алекс в присутствии Гелбрейтов никогда не высказывал своих истинных взглядов. —

Анна проводила глазами смеющихся парней и девчонок. Потом оборнулась к тем двоим, что были сегодня с ней.

– Джо и мысли не допускал, что мальчишка имеет собственное мнение. Мне-то полагалось знать своего ребёнка лучше. Помнить, что он привык всегда идти вопреки, противостоять нажиму. В детстве я не могла заставить его есть кашу…

Анна улыбнулась сквозь слёзы. Она смотрела в чёрное южное небо, где мириады звёзд роились подобно тем мошкам, и куда, как ей казалось, отлетела душа сына.

– Хоть режь его, а не проглотит, всё выплюнет на стол. А оставишь в покое, поест за милую душу. Всегда упрямый был, настырный. Любое дело доводил до конца. И принимал сторону меньшинства, защищал слабых. Если все вокруг настроены против президента, Алекс обязательно вознесёт его на пьедестал. Тогда мы об этом не знали. Алекс день ото дня становился всё более чужим, жил своей жизнью. – Анна сняла перчатки и потёрла одну сухую ладошку о другую. – Джо решил его поскорее женить, чтобы не вышло каких-нибудь не приятностей. Тереза Льюис, блондинка с роскошными волосами до пояса и сапфировыми глазами, самая завидная невеста в округе, богатая и образованная девушка, влюбилась в Алекса и настояла на своём. Единственная дочь Ральфа Льюиса – о нём я ещё расскажу, это будет интересно. Джо мечтал породниться с этим влиятельнейшим мерзавцем. Правда, тогда и я против этого не возражала. Свадьба была назначена на Рождественские каникулы, и в ноябре мы к ней уже готовились. Тереза заказала дюжину платьев, маленькие девочки наперебой напрашивались

к ней в свиту – нести шлейф. Белое, главное платье спереди было облито бриллиантами. В свадебное путешествие собирались уехать сразу же. Предполагалось роскошное турне по Европе, начиная с Парижа. Тереза потом туда и уехала. Там и родила мою внучку, которую я никогда не видела. Впрочем, я её понимаю. Она возненавидела меня так же, как всех прочих Гелбрейтов. Тереза забрала с собой их обручальные кольца, чтобы носить на одном пальце, как часто делают вдовы.

Анна показала свой узловатый скрюченный палец с идеальным блестящим ноготком. Одно из колец буквально впивалось в кожу, другое было немного великовато.

– И сейчас во всех подробностях помню предрождественские дни сорок третьего, когда мы с Джонни обвенчались в Сан-Франциско. Тогда я работала в одном из музеев. А корабль Джона зашёл в тамошний порт, и сам он родился в Окленде. Наши места оказались в кино, рядом. Так мы и познакомились. Джон сделал мне предложение через неделю…

Лена и Артём, слушая историю далёкой и страстной любви, грустно смотрели друг на друга. Они знали, что Анна Александровна случайно оказалась в курсе их сердечных дел. Переговариваясь через голову старушки по-русски, они даже представить себе не могли, что она всё понимает, И поражается, наверное, какие дурацкие проблемы решает нынешняя молодёжь.

– С точки зрения Алекса я была изменницей. Предала его родного отца… Ну, всё, поехали. Простите старческую назойливость, дети мои дорогие. Но потом, уверяю, вы неоднократно вспомните этот вечер. Вряд ли я ошибаюсь – имею слишком богатый жизненный опыт. Кроме того, я слишком много в своей жизни совершила ошибок…

– Ошибок и у нас хватает, – проворчал Артём, садясь за руль.

По правде говоря, он был невероятно рад, что нынешним вечером не придётся отвечать на шуточки приятелей. Они на все лады обсуждали разрыв мистера Артёма Гримбы с мисс Юлией Касатых, дочерью богатого сибирского нефтяника. Юлия была красавицей с ореховыми глазами, а свои от природы чёрные волосы щедро подкрашивала вишнёвым.

Высокая, худая и длинноногая, помешанная на всевозможных диетах и мечтающая о карьере топ-модели, Юлия так и не смогла перевоспитать своего пухлощёкого бой-френда. Артём Гримба обожал готовить, особенно – всевозможные блюда из макарон и баранину с маслинами в вине. Просторная кухня в доме Марты Уинстон была самым любимым местом украинского гостя. Там, на гранитных столешницах миссис Уинстон, Артём создавал свои шедевры, которые потом поедались всем дружным семейством Уинстонов.

Отчаявшись, Юлия составила русское слово «конец» из сухих макарон, для чего специально заехала к Марте, а потом отбыла в неизвестном направлении. Приятели сообщили Артёму, что видели Юлию в ресторане, за одним столиком с седым благообразным джентльменом, который, должно быть, надавал красотке слишком много авансов. Так или иначе, но на сегодняшний день Гримба остался один и пребывал по этому поводу далеко не в лучшем настроении.

«Рыжее солнышко» Лена Яблонская, пережившая крушение основ незадолго до Артёма, подталкивала его к обычной в этих краях мести. Нужно было только зайти на соответствующий сайт в Интернете, поместить там портрет изменницы и выругать её, как следует, чтобы другие мужики поостереглись с ней связываться. Сама Лена так и разделалась со своим возлюбленным, тоже выходцем из СНГовии, молдаванином Ромой Найдуном. Тот, в отличие от Юлии Касатых, очень любил поесть, а у Лены то переваривался рис, то разваливалась рыба, то в супе-пюре появлялись комки. Неплохо готовила Елена только салат «Парадный» микс. Но питаться только этим блюдом из чипсов, кукурузы, перца и шампиньон Рома не смог и прислал Лене на недавний день рождения плюшевого мишку, который при нажатии на живот заявил: «Прощай, мы не пара!»

После этого Лена ославила Найдуна на упомянутом сайте и между прочим выяснила, что он уехал в путешествие по стране с какой-то девицей, прибывшей из Краснодара для работы официанткой. Сейчас они перемещались от восточного побережья к Калифорнии, занимаясь любовью в мотелях, и Лена, как ни старалась, не могла перестать думать о своём фиаско. Рассказ Анны Александровны наконец-то отвлёк обоих обманутых страдальцев от грустных воспоминаний, за что они мысленно благодарили Марту Уинстон. Возможно, квартирная хозяйка Артёма таким образом хотела показать молодёжи, что такое настоящая душевная боль.

Лена устроилась на заднем сидении рядом с Анной. Рассматривая себя в зеркало, она, между прочим, подумала, что стала похожа на настоящую американку. Перестала мучиться на идиотских «шпильках», носить длинные острые ногти. Стёрла с лица яркую косметику и сняла ворох золотых цепочек и колец, оставив только подвеску-птичку из чернёного серебра. Артём тоже здорово изменился – из киевского арсенала с ним остался лишь перстень, служивший заодно и личной печатью.

Супердорогие костюмы и мобильники выглядели тут как-то неуместно и вместо уважения вызывали откровенные насмешки. И богатые, и бедные одевались примерно одинаково, поэтому Артём с Леной в джинсах и ковбойках отлично вписывались в толпу. Теперь же, слушая Анну Александровну, Лена внезапно ощутила, что сильно изменилась за сегодняшний вечер. Она почувствовала себя стоящей на пороге великой тайны.

– Получается, что я сделала верную ставку. Но живу, как в склепе, среди всей этой роскоши, сама себе не нужная. Поделом мне, поделом. Я не замечаю вкуса пищи, не ощущаю ни радости, ни страха. Только одна каменная тоска. Ветер, океан, вино – всё пресно, нежеланно. Алекс чувствовал всё пронзительно, видел мир по-особому. Я внушала ему уважение к покойному отцу, давала подержать коробочку с орденом. Культивировала память о Джоне. Уверяла, что лучше него не было на земле человека.

Анна понаблюдала за мелькающими по сторонам шоссе огнями, потом устало опустила веки.

– Когда японский камикадзе потопил их линкор, я почувствовала, что умираю. А ведь ещё ничего не знала. Потом оказалось, что атака смертника и приступ какого-то слепящего безумия совпали по времени. Но я ждала ребёнка и поэтому должна была жить. Оказалось, что детей было двое. Во мне билось два сердечка. Одно остановилось почти сразу же. А другое… У сына были с младенчества взрослые глаза. Ребёнком в привычном смысле слова, глупым и шумным, я его не помню. Алекса с детства интересовали мировые проблемы… Есть такие люди, которые считают себя ответственными за всё, происходящее рядом. Алекс отвечал за всё. Когда ему исполнилось двенадцать, я решила, что можно быть откровенной. Кроме слёз и забот одиночество ничего мне не приносило. Разбитая, опустошённая, потерявшая работу в дамском ателье, я приняла предложение подруги, тоже одевавшейся у нас. На вечеринке ожидался Джозеф Гелбрейт, недавно похоронивший супругу. А я была высокой, стройной, синеглазой блондинкой с чёрными бровями. Во мне сразу чувствовалась порода. Сейчас вам смешно, конечно, но тогда Гелбрейт тотчас же обратил на меня внимание. Бирюзовое шёлковое платье так шло к моим глазам! Джо танцевал только со мной. Это было чудо! Ведь его внимания домогались даже молодые девушки, не обременённые детьми! А Джо выбрал именно меня. Через месяц прислал помолвочное кольцо с крупным бриллиантом. Помню, я смотрела на камень, как дурочка, не веря своему счастью. Думала, что это – розыгрыш. Правда, я была прелестной женщиной – с ямочками на щеках, с улыбкой как бы сквозь слёзы… А после мне довелось столкнуться с протестом Алекса. И я, и другие принимали его чувства за ревность, за желание избалованного отличника показать характер. А мой бедный сыночек, видимо, сердцем почувствовал надвигающуюся грозу! Ему было так плохо – ночами не спал, похудел, даже учиться стал хуже. Я нанесла Алексу первую травму, представ перед ним, чего греха таить, проституткой. Мальчик рыдал в голос, умоляя меня отказать Гелбрейту. «Ма, ну зачем тебе

это? Разве нам плохо было вдвоём? Мы не голодали, нам дедушка помогал. Ты сама говорила! Ты ведь обещала папу никогда не забывать. Меня просила не посрамить его память, а сама другого нашла! Только потому, что у него куча денег, а не по любви! Дедушка обещал никогда больше не приезжать, если ты обвенчаешься с ним…» Старик Осборн не пожелал после свадьбы даже одно слово мне сказать. Более того, стал избегать встреч и с внуком, который вообще ни в чём не был виноват. Мальчик тяжело переживал разрыв с дедом, но после нашёл плюсы в новом положении. Поверните здесь! – Анна тронула Артёма за плечо. – Так будет быстрее, Я вам устрою роскошный ужин. Все говорили, что Энн умеет принимать гостей. Я слишком долго встречала очень важных визитёров. Положение обязывало. Так вот, первый удар Алексу нанесла я. И последний – тоже. В тот день я должна была не отсиживаться в бунгало на побережье, ожидая, пока всё закончится. Я, вернись этот день, прижала бы Алекса к своей груди, согрела, приласкала! Доказала бы, что люблю его! Мы ведь и дом уже купили для них с Терезой, хотели подарить на свадьбу. Годом раньше Джо преподнёс пасынку «Ягуар» белого цвета. И всё-таки Алекс не ощущал так нужного ему тепла. Я ведь не знала, что проживу долго. Считала, что у сына многое впереди, а мне больше ждать нечего. У мальчика было то, о чём другие не могли и мечтать. Но не было человека, которому он мог бы довериться. Мы все взаимно подозревали друг друга. Алекс всего лишь соблюдал этикет, непринуждённо общаясь с нами, с гостями, в которых никогда не было недостатка. И развязка пришла в тот памятный всему миру день, хотя могла случиться и в любой другой. Джо и в страшном сне не приснилась бы такая преданность Алекса кумиру! И я ни о чём не подозревала. Он был выдержан и настойчив, любую работу выполнял с ювелирной точностью. У него был трезвый, холодный ум. А сердце – страстное, горячее. Такому человеку трудно жить на свете. Алекс понял, что убить можно кого угодно, даже президента. И не пережил крушение идеалов. А, может, он просто испугался жить рядом с негодяями…

Анна достала зеркальце и зачем-то проверила макияж на морщинистом, тёмном, как древесная кора, лице.

Совсем рядом шумел Мексиканский залив. Лена с Артёмом, прислушиваясь к ровному гулу, подумали об одном и том же. Залив они видели всяким – лазурным, под знойным небом, с белопенной линией прибоя, и бешеным, густо-зелёным, вздыбившимся огромными волнами. Тогда, три года назад, ураган «Катрина» атаковал Нью-Орлеан, и в доме Марты Уинстон сорвало крышу. Лена как раз накануне покинула город, который вскоре был затоплен прорвавшей плотину водой…

– Приехали! – сказала Анна Александровна.

Мощные фары «Крайслера» выхватили из чернильной темноты ажурную изгородь, высокие ворота, и вдали, в саду, трёхэтажную виллу, увитую ползучими розами.

– Просигнальте трижды, Артём. Ричард, мой водитель, так и поступает. Чтобы знали – это я! – Старушка закашлялась и рассмеялась одновременно. – Только об одном попрошу – ничего никому здесь не рассказывать. Ни до моей кончины, ни после. Не желаю, чтобы у могилы сына толпились праздные зеваки. Наплыв репортёров и пересуды соседей мне тоже ни к чему. Довольно того, что вы сейчас поможете мне освободиться…

Анна Александровна втянула воздух тонкими ноздрями и замолчала. Из-под опущенных её век. не переставая, текли слёзы.

– Освободиться от чего? – Артём почему-то медлил.

– От тяжести. От жизни. Я столько лет боялась, что правда выплывет на свет! А теперь внезапно захотелось рассказать обо всём людям. Тогда, наверное, сын простит меня и примет. Что вы медлите?

Анна вскинулась, села прямо. Около дома она почувствовала себя полновластной хозяйкой.

– Нажмите клаксон трижды, и ворота тотчас же откроются…

Пролог-2

Человек, больше похожий на мумию, сидел один в своём собственном кинозале и жадно смотрел на экран. Ему оставалось мало – врачи давали от силы месяц, и жил он только на уколах. В последнее время медсестре Эстер приходилось приходить к пациенту всё чаще. Даже ночью она готова была в любой момент встать и подняться наверх, ив спальню, и потому отдыхала лишь урывками. Началась последняя стадия болезни, самая страшная и мучительная – не только для умирающего, но и для тех, кто был рядом с ним.

Но он ещё не слёг окончательно, потому что боялся оставаться один в спальне. В то же время никого не хотел видеть рядом с собой – ни сиделку, ни психоаналитика, ни детей, ни внуков. Он считал, что давно бы уже умер, если бы не ждал Энн, не надеялся на её прощение, на её христианскую милость. Он всё ещё верил в это, и потому жил, хотя давно бы уже мог прекратить свои страдания. Лишний укол обезболивающего, пусть два укола – и всё позади. Он слабо верил в загробную жизнь и высший суд, хоть и изображал из себя примерного христианина. Конечно, допускал, что что-то такое, непознанное, существует, но рай и ад считал человеческой выдумкой. Правда, теперь он чаще думал об этом. Приближалась черта, за которой он многое узнает.

Исхудавший человек с восковым лицом, опираясь на палку и держась одной рукой за стену, прошёл к своему креслу и сел, откинулся на спинку. Тотчас же экран ожил, осветился, и где-то сзади заработал аппарат. Больной удовлетворённо кивнул сам себе, словно соглашаясь с чем-то, и неожиданно улыбнулся. Дрожащей костлявой рукой он провёл по своим дряблым щекам, осторожно снял очки в тонкой золотой оправе и тщательно их протёр – чтобы лучше видеть. Это небольшое усилие далось ему с огромным трудом, и на лбу мелкой росой выступил пот. Больному казалось, будто он только что сдвинул с места что-то огромное и тяжелое, или работал всю ночь без отдыха. А на самом деле он всего лишь немного пошевелил пальцами, а потом запустил руку в карман домашней куртки.

Он смотрел на экран и видел знакомый город, где не появлялся уже много лет. Город был залит осенним солнцем, украшен флагами страны и штата. Больной видел эти улицы, дома, деревья Людей, стоящих по обеим сторонам магистрали. Губы его дрожали. Ему трудно было смотреть на экран, где остановилось время, где всё ещё было по-прежнему. Он искренне верил, что сейчас может встать с кресла, потащиться до экрана, протянуть руку – и оказаться там, где всё было так хорошо, так спокойно. В том времени был его младший брат Эндрю, там была красавица-жена Энн, которая теперь очень сильно постарела. Совсем близко существовал потерянный навсегда мир, который можно было ненадолго вернуть.

Человек подался вперёд, вцепившись в подлокотники сведёнными судорогой пальцами. И увидел, как по людскому коридору медленно едут чёрные лимузины, сопровождаемые мотоциклистами в шлемах и крагах. Слезящимися глазами больной искал «Линкольн SS-100-X» с откинутым верхом, в котором сидели две супружеские пары, водитель и охранник. На другие автомобили, на мотоциклы, на столпившихся людей он не обращал внимания. Прекрасно знал, что сейчас произойдёт, потому что видел эти кадры бессчётное число раз. Помнил, как впервые крутили эту плёнку – вскоре после того, как выстрелы, прозвучавшие в Далласе, услышал весь мир.

Он видел Дили-плаза, Элм-стрит и знал, что впереди у кортежа железнодорожный мост, до которого машины и мотоциклы никогда уже не доедут. Широко раскрытыми глазами, то и дело промокая платком своё холодное, липкое лицо, человек смотрел теперь на высокое, как утёс над ущельем, здание книжного склада. И вдруг поймал себя на мысли, что не хочет услышать выстрелы, которые щёлкнут через несколько секунд. Это было новое ощущение –

до сих пор ничего, похожего на сожаление, тем более, на покаяние, он не испытывал. Напротив, гордился, что внёс свою лепту в великое дело.

Патриот и обязан был так сделать, выступить с оружием в руках против пагубной для отечества власти. Конституция даёт гражданам страны это право. Он не смел уклониться от участия в этой борьбе, как не имеет права солдат в дни войны отсиживаться в тылу. Он убивал точно так же, как убивают на поле боя. Этого не стыдятся, этим гордятся. Но только поле это было иное…

Он видел молодую очаровательную женщину в розовом костюме и такой же шляпке, с букетом цветов в руках. Она сначала надела тёмные очки – очень ярко светило солнце. Но потом сняла их, потому что муж что-то раздражённо шепнул ей на ухо. Этот человек жил последние минуты, а думал о каких-то пустяках. Положив правый локоть на дверцу автомобиля, он смотрел по сторонам, улыбался, и, казалось, наслаждался всеобщим вниманием. Чета давно уже не жила, а как будто играла бесконечный спектакль, позировала для глянцевых журналов. И трудно было представить, какие страсти на самом деле бушуют в этой идеальной семье…

Понятно, он ведь ничего не знал. Он ехал по людскому коридору в открытой машине. Видел радостные лица горожан, слышал их приветственные крики. Перед его глазами мелькали флажки в руках встречающих. Ненавидящий его город выглядел со стороны очень весёлым и дружелюбным. Это было похоже на «Поцелуй Иуды». Так убийца, пряча за спиной кинжал, улыбается своей жертве.

Вокруг суетились репортёры, работали камеры, вспыхивали блицы фотоаппаратов. Всё действительно выглядело очень празднично, и многим было по-настоящему весело. Сзади медленно ползли другие лимузины, на которые, по большому счёту, никто не обращал внимания. И в одном из них сидел человек, который должен был вскоре стать первым лицом в стране. Мало того, он не просто предполагал или догадывался, а был уверен в том, что это должно сейчас случиться.

Вылощенный господин в «Линкольне», думал единственный зритель, скоро будет совсем другим. Его белоснежные манжеты зальёт кровь, и великолепную прическу испортят пули. Элегантный костюм с него стащат, срежут ножницами, а самого погрузят на короткую для него каталку. Он будет лежать навзничь, со свисающими вниз ногами, а глаза станут то разбегаться к вискам, то сходиться за переносицей. И потом, наконец, остановятся, остекленеют, и люди вокруг замрут в скорби. А первая леди, которая и сейчас не забудет о собственном имидже, начнёт прилюдно целовать труп мужа – с головы до ног.

Специально посланные люди снимали не только на Элм-стрит, но и в госпитале «Паркленд Мемориал». И после доложили своему боссу о том, что даже бывалые доктора, увидев эту жуткую смерть, впали в шок. С такими ранами люди не живут и минуты, а этот пациент протянул почти полчаса. Его душа никак не хотела расставаться с телом, и агония продолжалась бесконечно долго. Что и говорить – он имел отличную наследственность. Его мать жива до сих пор, да и отец умер не так давно. Хорошо, что стреляли в голову, иначе, пожалуй, ничего бы не вышло. Потом прикончили, от греха подальше, и среднего брата Бобби – прямо во время президентской компании. А вот младшенький, Тедди, уже всё понял и поумерил свои амбиции…

Больной ещё сильнее вцепился в подлокотники, привстал на дрожащих ногах. Он задыхался, хватал воздух посиневшими губами. Можно было вызвать Эстер, приказать выключить аппарат, но он хотел досмотреть плёнку до конца и разобраться потом в своих чувствах. До него как будто только сейчас, через много лет, дошло самое главное. Ведь он давно, с того самого времени, знал, что обречённый президент ждал этих выстрелов. Почти никто на всей земле, кроме него и Энн, не знают, что это было так. Почему служба безопасности не приняла меры? Не поверила? Сочла предупреждение провокацией? Если бы тогда всё сорвалось, расправа

с семейством Гелбрейтов была бы скорой и жестокой. Этот проклятый мальчишка, пасынок Алекс, едва не заложил всех. Только чудо спасло тогда их от катастрофы, и виновен в ней был бы именно он…

На экране всё произошло точно так же, как и всегда. Щёлкнул один выстрел, другой, третий. Главу государства швыряло то в одну, то в другую сторону. Так не бывает, когда стрелок один. Убийца не смог бы оказаться сразу в нескольких точках и невероятно быстро перезаряжать винтовку «Манлихер-Каркано». Это был классический перекрёстный огонь, при котором жертва выжить не может. Надо было очень постараться, чтобы не заметить этого. Но, слава Богу, Америка богата добрыми патриотами, которые закрыли глаза на очевидные факты. Больному казалось, что он видит летящие пули, ни одна из которых на самом деле не была послана из окна книжного склада.

Люди в панике бросились бежать кто куда. И вместе с ними исчезли стрелки, предоставив полиции возможность поймать того, кто заранее был назначен в самые главные злодеи. Специально посланные люди указывали пальцами на здание, где помещался книжный склад, – чтобы Ли Харви Освальда наверняка нашли и арестовали. Этот чокнутый парень не задумывался о том, что идёт на заклание. Похоже, ему даже хотелось прославиться – другого шанса всё равно не было.

Человек в кинозале как-то по-новому смотрел на происходящее и удивлялся, что до последнего времени всё воспринимал иначе. Он видел только внешнюю сторону событий, не задумываясь о внутреннем содержании. Но решил подумать под своими чувствами потом, а сейчас, уже в который раз, наблюдал за стрельбой. Пожилая пара, губернатор и его жена, то ли обнялись, то ли просто схватились друг за друга. Потом оказалось, что в мистера Коннэли тоже попала пуля.

Вот раненый президент падает головой на колени супруги, и кровавые пятна расплываются на её изысканном костюме. В нём вдова потом будет ходить весь день, не снимет даже перед принятием присяги новым хозяином Белого дома. Вот пока ещё первая леди легко и ловко карабкается на багажник, протягивает руку бегущему сзади мужчине, и с неженской силой затаскивает его в автомобиль. Через несколько секунд кортеж срывается с места и на бешеной скорости мчится в госпиталь – просто потому, что так надо. Вряд ли кто-то сомневался в том, что помочь тут не мог и Господь Бог.

Больной слабо махнул рукой, и экран погас. Да, расторопный мистер Запрудер сумел снять всё то же самое, заработал кучу денег и прославился на весь свет. Очень уж вовремя он оказался там со своей кинокамерой. Прямо чутьё какое-то на сенсации – ведь этот тип ничего не знал о том, что должно случиться. А вот он знал всё, потому и поставил своего человека с камерой в подходящее место.

Разумеется, плёнку он никому не продал бы, ни за какие миллионы, потому что память о прошлом бесценна. И здесь, к тому же, прекрасно видны исполнители, имена и клички которых были ему известны. Лишь бы успеть, уничтожить перед кончиной эту страшную улику, но перед тем ещё раз просмотреть запись – в последний раз!

Всё-таки приятно, черт побери, чувствовать себя творцом истории! Пусть он был там последней спицей в колеснице, пусть потом много лет дрожал от страха, что его уничтожат как слишком осведомлённого. Пусть он лишился любимой жены, которая до сих пор ничего не хочет слышать о нём. А ведь знает, что бывший муж умирает от рака, и мучения его поистине адские. Неужели ей мало этого? Впрочем, Энн оказалась наполовину русской, о чём он и не подозревал. У неё могут быть свои понятия о добре и зле.

Кто бы сказал тогда, на вечеринке в пятьдесят шестом голу, что прекрасная англичанка на самом деле родилась в Петербурге,… или тогда город назывался как-то по-другому… неважно! Он справился бы с собой, задавил голос сердца доводами рассудка. И, возможно, не корчился теперь по ночам от боли и страха. Не проклинал бы себя за то, что слишком дове-

рял пасынку, который предал его в самый ответственный момент. Да, иначе, чем промыслом Божьим, ту удачу не назовёшь. И даже о том, что утечка случилась по его вине, никто, кроме Энн, не знает. Но она молчит, ни с кем не делится тайной, а ведь могла бы. Энн по-дворянски благородна, и не хочет позора, огласки даже для того, кого всем сердцем ненавидит…

Он медленно встал, с трудом разогнул колени. Ноги сегодня совсем не слушались, и тело болталось на них туда-сюда. Рука неуверенно держала палку, и потому она мало помогала. Сделав несколько шагов, больной остановился, чтобы передохнуть. В голове стоял туман, перед глазами всё плыло. Рванув ворот куртки и рубашки, он продолжил путь – на воздух, к секвойям и к океану. Там ему будет лучше, легче дышать. Он немного отдохнёт в шезлонге, на террасе, а потом пойдёт снова разбирать свой архив.

Он делал это каждый день, по полчаса – на большее не хватало сил. Как жаль, что младший брат погиб в авиакатастрофе, спустя всего три года после их триумфа в Далласе! Как бы помог он сейчас в этой тяжкой, нудной работе! Более верного человека у больного никогда не было, и сейчас он особенно остро это ощутил. Никому, кроме Эндрю, нельзя доверить архив, в котором есть очень много интересного…

– Мистер Гелбрейт, вам что-нибудь нужно? Я могу быть полезна?

Больной вздрогнул, пошатнулся, едва не упал. Видимо, Эстер наблюдала за ним всё то время, что он видел в кинозале. Конечно, так и надо, это – её долг. Но равно неприятно осознавать, что за тобой следят, каждый твой шаг контролируют. Так, чего доброго, и до архива доберутся. Да и зачем он копается в этих бумажках? Кому они нужны? Дочери и сыну это неинтересно, брат мёртв, а до дальних родственников ему нет дела. Завещание уже давно составлено, хранится у адвоката, и будет вскрыто после его смерти. Вот как бывает – и дети есть, и внуки, а умираешь один, по-собачьи…

– Да, что-то сегодня мне хуже, Эстер. – Больной тяжело навалился на плечо медицинской сестры. – Если вас не затруднит, проводите меня на террасу. Наверное, мне надо чаще бывать на воздухе.

– Я вам постоянно об этом толкую, мистер Гелбрейт!

Эстер, сорокалетняя некрасивая брюнетка, смотрела на него круглыми глазами. Она вообще напоминала большую птицу с тёмным оперением и мощным клювом.

– Осторожно, смотрите себе под ноги, чтобы не упасть ненароком. И сколько раз я вас просила не смотреть эти ужасные кадры! Я, здоровый человек, не могу спокойно выносить такое! А вам каково? Что за удовольствие – любоваться чужой смертью? Как ни относись к человеку, а глумиться над телом – грех.

– Тому, кто одной ногой в могиле, можно простить маленькие слабости. Труп врага всегда хорошо пахнет… Кто же это сказал? Кажется, французский король Карл Девятый после Варфоломеевской ночи. Или я что-то путаю?.. – Больной с облегчением опустился в шезлонг. Вдохнув солёный воздух, он действительно почувствовал облегчение. В глазах прояснилось, и лицо Эстер показалось ещё менее привлекательным.

– Что вы такое говорите, мистер Гелбрейт! – возмутилась сестра милосердия. – Может быть, вам принести успокоительного? В вашем положении тем более нужно умягчать свою душу, думать о Боге, о Вечном. И прощать всех, кого считали врагами. Тем более, если враги умерли намного раньше вас. Нужно вспоминать о добром, о прекрасном. В жизни каждого человека оно было…

– Напомните об этом миссис Энн! – перебил больной. – И расскажите ей, как надо прощать врагов. Ей полезно будет это послушать. Она не желает даже подумать о том, чтобы прийти ко мне и проститься. И, разумеется, будет очень рада услышать о моей смерти. А ведь я любил её с того момента, как увидел на вечеринке. И не могу забыть до сих пор, сколько ни пытался. Такой женщины около меня никогда больше не было. Может, потому, что она – русская? Чем-то неуловимым Энн отличалась от остальных, а потому я никем не смог её заменить.

– Не знаю, мистер Гейлберт! – сухо сказала Эстер. – По вашей просьбе я звонила ей позавчера. Объясняла, в каком вы состоянии, как хотите увидеть её и попросить прощения. Напоминала ей о том, что христианское смирение есть главная добродетель. Ведь вы наказаны Богом, если в чём-то виновны, и наказаны сурово. Не её это право – судить и карать…

– И что ответила миссис Энн? – перебил больной, цепляясь за руку сестры и не отпуская её от себя.

– Она ответила, что, если бы у меня был сын, и кто-то его убил, я поняла бы её. Она считает, что мне легко рассуждать об абстрактном. Как, впрочем, и большинству людей. С вашего позволения, мистер Гелбрейт, я больше не буду звонить миссис Энн. Если хотите продолжить попытки примирения, поручите это кому-нибудь другому. Не могу же я сказать несчастной матери, что она должна забыть о гибели сына. Мне жаль и вас, и её. Каждый по-своему и прав, и виноват. Но, если она не хочет видеть вас, ничего поделать нельзя…

– Хорошо, Эстер, я не буду докучать вам такими просьбами.

Больной обмяк, и плечи его опустились ещё ниже. Лицо из воскового стало землистым, и чёрные круги вокруг глаз набрякли слезами.

– Но я не убивал её сына – вы это прекрасно знаете. Напротив, я всё сделал для того, чтобы парень ни в чём не нуждался. Но если у него было в порядке с головой, я ничего не мог поделать. Её сын покончил жизнь самоубийством. И в предсмертной записке упрекал не меня, а именно Энн. Она должна прислушаться хоть бы к мнению любимого сына и в первую очередь спросить с себя. Но ей не хочется нести эту ответственность до конца дней. Легче назвать убийцей меня, который и её, и мальчишку буквально вытащил из грязи! Они ютились в какой-то тесной каморке при ателье! Кем бы она была сейчас? Разве жила бы так, имела бы эти возможности? Энн не забыла при разводе взять свою долю, несмотря на то, что называла эти деньги кровавыми. Она была так рада, что я обратил на неё внимание. Буквально захлёбывалась словами, щебетала без умолку! Она готова была ползти за мной на край света. И тогда не услышала возражений – ни сына, ни свёкра. Просто ей сейчас не нужны деньги, вот и всё. У неё и так их достаточно, чтобы дожить свой век в роскоши. Да, я жёстко поговорил с её парнем однажды. Может быть, излишне жёстко. Но с изменниками именно так и надо говорить. Я ведь не ошибся тогда – он действительно предал меня. Он укусил кормящую его руку. Без меня Алекс никогда не смог бы учиться в Гарварде. Там ему и набили голову всей этой чепухой. Я давно недолюбливал это заведение, пытался отговорить его, найти другой университет. Нет, захотел именно туда…

– Это всё было давно, и не надо ворошить прошлое. – Эстер укрыла ноги больного клетчатым пледом, усадила его поудобнее. – Вам принести солнцезащитные очки, мистер Гелбрейт? Солнце светит прямо вам в лицо…

– Разве? – удивился больной. – А я ничего и не замечаю. Мне все время холодно, а перед глазами – серый туман. Я только слышу шум прибоя, крики птиц. Они меня сопровождали всю жизнь. Я ведь родился на пароходе, когда родители возвращались из Китая. Это случилось несколько раньше положенного срока, но я рос крепким малым. Брат Эндрю был гораздо слабее меня. Но он был таким верным другом, Эстер! Он никогда и ни в чём не упрекнул бы меня! Извините, что задерживаю вас. Вы хотели принести очки? Принесите. А потом приходите сюда через час – проводите меня в кабинет.

– Хорошо, мистер Гелбрейт, – ответила сестра и поспешно удалилась.

Вокруг стало как-то очень тихо. Раньше больной боялся этой тишины. Ему всё время казалось, что сзади подкрадутся убийцы и прикончат его. Ведь многие, кто имел отношение к тем событиям, ушли из жизни при странных обстоятельствах. Судя всему, помогли замолчать и Эндрю. А вот его почему-то пощадили. Наверное, потому, что он подсуетился и отправил к праотцам того самого оператора, что снимал эти кадры. Парня просто сбила машина, когда он навеселе возвращался из ресторана. И тот, кто работал в госпитале, утонул во время купа-

ния. Совершенно типичные случаи, которые копов не заинтересовали. Конечно, с особо осведомлённым человеком могли разделаться и на всякий случай, даже не зная о плёнке, на которой запечатлены убийцы президента. Но пока никто не тревожил Гелбрейта, кроме страшной болезни…

Он слегка повернул голову, в ту сторону, где шумел океан. Теперь даже хотелось, чтобы кто-то прервал эти ненужные страдания. Каждую ночь, проваливаясь в забытье после укола, он молил Бога о том, что не проснуться утром. Но, как видно, во сне умирают только праведники. Грешники же должны заглянуть в бездну широко открытыми глазами. А врачи удивлялись, говорили, что он при такой форме рака слишком долго живёт. Может быть, он боялся уйти потому, что ТАМ ждали его жертвы, которых было много. Но главная жертва заслонила собой остальных, о которых больной теперь и не вспоминал. Впрочем, в смерти пасынка он себя не винил – его винила Энни. И больному начинало казаться, что он не сможет освободиться от жизни до тех пор, пока бывшая жена его не простит.

Больной хотел позвонить, позвать прислугу, чтобы ему подали телефон. Может быть, попросить дочку Патрицию ещё раз переговорить с мачехой? Кажется, они неплохо расстались, и сейчас изредка перезваниваются. Да и сын Дэнфорт, возможно, не откажет умирающему отцу. С ним Энни, вроде, тоже была любезна. Конечно, она не радовалась, когда дети бывшего мужа появлялись на горизонте, но вела себя вежливо, корректно. Может быть, именно Дэнфорт, который был очень дружен с покойным Алексом, найдёт те слова, которые всё же тронут это чёрствое сердце?..

Как и всем жестоким, чёрствым людям, ему было до слёз жаль себя самого. Теперь больной рыдал, откинув голову на спину шезлонга, и слёзы лились ему за ворот, в глотку, на грудь. Почему дети и внуки так редко навещают его? Почему ведут себя как-то неестественно, зажато, будто стесняются родства с ним? Им-то он чем не угодил? Многократно преумножил состояние своей семьи, стал одним из первых богачей штата, вошёл в круг избранных, стал вершить государственные дела? Благодаря ему дети и внуки выучились в лучших университетах, построили карьеру, создали крепкие семьи. Им не пришлось делать грязную работу – всё взял на себя он, отец и дед.

А теперь они морщат носы – от него плохо пахнет! Неужели не ясно, что они такие приличные и безгрешные только потому, что он с ног до головы облит помоями? Им бы оценить жертву, облегчить последние дни несчастного страдальца, а они ведут себя отвратительно. Постоянно намекают, что помнят всё про Алекса Осборна, сына Энни. Нарочно восхищаются красотой и талантами этого сумасшедшего самоубийцы, как будто именно отчим не дал ему прославиться и взять от жизни всё!..

Умирающий смотрел в океанскую даль, и видел нефтяные вышки, которых на самом деле там не было. Вышки двигались, шагали, как живые, уходили к горизонту. А на смену им из глубин океана как будто вставали новые «качалки». Они шли бесконечными шеренгами, появлялись ниоткуда, исчезали в туманной дымке. Они словно провожали своего хозяина, Джозефа Гелбрейта, и маршировали перед ним на прощание. «Качалки» работали, добывая из недр земли, из-под воды ту самую жидкость чёрно-жёлтого цвета, которая так дурно пахла, так отвратительно выглядела. Но без неё на планете не было жизни, за неё сражались и убивали. Вот так и он, Джо Гелбрейт, опозорился навеки, обрёк свою душу на вечные муки ради того, чтобы жила в благоухающем Эдеме его семья. Те самые потомки, которые теперь брезгуют им. В жестокой, кровопролитной борьбе он вырвал для них возможность быть чистенькими.

Больной задыхался. Широко открыв рот, он сидел в шезлонге и никак не мог поймать ртом воздух – здесь, на берегу океана, при сильном бризе. Тент трепетал над ним, шевелился увивающий стену плюш, раскачивались кипарисы, пробегали волны по благоухающим розовым клумбам. Но Гелбрейт не видел этого великолепия, даже забыл, что сидит на террасе своего калифорнийского дома. Он словно захлёбывался в нефти, которой было вокруг уже

очень много. Она волнами накатывалась на берег, закрывала солнце и небо. Больной пытался выплыть из чёрных бурунов, но не мог, и постепенно погружался в пучину. Неловко взмахнув руки, он попытался встать и едва не упал на пол вместе с шезлонгом…

– Мистер Гелбрейт! Я принесла вам очки! – запыхавшаяся Эстер выглядела виноватой, как побитая собака. – Немного задержалась в доме. Не знала, что вам опять плохо. Минутку, я сейчас сделаю укол. У вас снова начались боли, мистер Гелбрейт?

– Нет… Боли нет. Я вообще не чувствую своего тела, Эстер. Мне душно. Дайте мне ингалятор или что-то такое.

Он еле сипел, и сестра милосердия с трудом его понимала. До сегодняшнего дня, несмотря на тяжкий недуг, Джозеф Гелбрейт никогда не вёл себя так, не хрипел и не задыхался.

– Я сейчас приведу доктора! – крикнула перепуганная Эстер и, стуча каблучками. Бросилась в дом. – Я быстро! Потерпите немного! О, господи!..

– За что? Господи, за что? – пробормотал больной, поднимая невидящие глаза к небу.

Там, в бездонной синеве, было пусто и просторно. Ни облачка, ни птички. Ничего земного – только покой и мудрость. Та самая нирвана, о которой мечтают индуисты.

– Да, я делал зло, я грешил, я убивал. Но делал это ради своей страны, как любой воин на поле боя. Я был беспощаден к врагам, я не считал их за людей, давил без жалости. Так делали все великие люди. Но их за это никто не судит, как меня. Ими восхищаются, а меня проклинают…

Больной повернул измученное лицо к доктору, который принялся ощупывать, выслушивать его, и слабо отмахнулся. Удушье прошло так же внезапно, как и накатило. Теперь он дышал свободно – пусть поверхностно, со всхлипываниями и хрипами. Ему казалось, что доктор зря волнуется, что всё прошло.

Но тот почему-то нахмурился, отдал несколько распоряжений Эстер, а сам остался рядом с больным. Он не выпускал руки Гелбрейта, щупал пульс, что-то говорил. Странно, но умирающий не слышал голоса доктора Уайльда, и потому не мог ответить. Он облизывал пересохшие губы и пытался улыбнуться, но безуспешно. А когда Эстер наклонилась к нему, чтобы напоить, не сумел проглотить воду. Больной словно забыл, как это делается, и вода пролилась за воротник.

– Уже? – спросил он доктора Уайльда. Больному казалось, что он говорит громко – на самом же деле он едва шептал. – Это конец?..

– Нет, что вы, мистер Гелбрейт! Небольшое ухудшение, и только! Эстер говорила, что вы опять смотрели эту злосчастную плёнку! Сколько раз я просил, чтобы вы этого не делали! Потом приходится вас откачивать. Была бы моя воля, я бы сжёг её, утопил в океане, развеял на атомы. Зачем вы губите себя, мистер Гелбрейт? У вас ещё остаётся время, а вы сами его сокращаете…

– Джереми, я прошу вас…

Больной немного успокоился, приподнялся в шезлонге. Врач сделал ему несколько уколов, на несколько минут наложил кислородную маску.

– Позовите моих детей… Пусть приедут сегодня. Может, вы и не лжёте мне намеренно, но я чувствую… это конец…

– Перестаньте! – Доктор и сам это видел, но пытался, как и положено, бороться до последнего. – Конечно, я вызову ваших детей, мистер Гелбрейт. Кого вы ещё хотите позвать?

– Энн. Только её одну. Попробуйте уговорить… умоляю… Или пусть мои дети попросят её. У меня два желания, только два. Увидеть Энн и уничтожить плёнку. Вы ведь говорили, что хотели бы этого.

– Боюсь, мистер Гелбрейт, что миссис Энн не приедет. Если хотите знать, я уже раз десять или даже больше пробовал с ней разговаривать. Я подключал к делу пастора их прихода, и он

тоже пытался убедить её. Всё было тщетно, мистер Гелбрейт. Я не могу ничего обещать. Что же касается плёнки, то я уничтожу её лично. Вы действительно хотите этого?

– Да. Но только после того, как меня не станет. Я заклинаю вас не показывать её больше никому. Как только я испущу дух, сожгите её, изрежьте ножницами… сделайте всё, чтобы никто и никогда её не увидел. Я не желаю, чтобы мой сын Дэнфорт добрался до плёнки… или другие люди… мне всё равно. Заберите её сейчас из кинозала и спрячьте у себя. Если случится чудо, и я сегодня не умру, не будет искушения снова увидеть всё это…

– Я обещаю вам.

Доктор Уайльд положил большую сильную руку на костлявое плечо больного. Казалось, что тело истаяло до предела – под домашней курткой и рубашкой проступали жёсткие рёбра. Плоть исчезла, будто испарилась. Обтянутый кожей скелет лежал в шезлонге и никак не мог сойти в могилу. Каждый раз, делая уколы, доктор и сестра боялись сломать иглу об эти ходячие мощи.

– Я поступлю так, как вы сказали. Вижу, что вам немного лучше, мистер Гелбрейт. Вы хотите остаться здесь, или вас перенести в спальню?

– Пока побуду здесь – в спальне мне страшно. – Больной облегчённо вздохнул. – Спасибо вам, Джереми. Вы облегчаете мои страдания. Единственное, что вам не удаётся, это привести сюда Энн. Вы ведь счастливо женаты, правда?

– Да, благодаря Богу, – удивлённо ответил доктор. – Вы же знаете, мистер Гелбрейт. Вы ведь хорошо знакомы с моей Морин?

– Конечно, Джереми. Я всё помню, не беспокойтесь. Наверное, я даже могу напиться. Дайте мне немного воды – внутри всё горит.

– Прошу вас.

Уайльд поднёс больному чашку. Тот действительно смог сделать несколько глотков, но потом поморщился и махнул рукой.

– Хватит, довольно… Я почему вспомнил об этом… Я хочу вас спросить. Наверное, вы знаете этот секрет. У меня было много женщин, но ни одна не любила меня. Наверное, не будь у меня денег, никто бы и не взглянул в мою сторону. Я мог их только покупать. Вы понимаете, о чём я?..

– Да-да, понимаю, мистер Гелбрейт! – Доктор проворно собрал свой саквояж, с которым прибежал на террасу. – Я не знаю, что вам на это ответить. Браки заключаются на небесах, а Господь не обязан давать нам отчёта в своём промысле. Значит, так было нужно, мистер Гелбрейт. Я не имею права учить вас и давать советы – по многим причинам. Вы намного старше меня, и несравненно большего добились в жизни. Но, думается, вы и сами здесь в чём-то были виноваты. Наверное, выбирали таких женщин, а не других. Вам ведь вряд ли понравилась какая-нибудь невзрачная девушка, просто домоседка. Или, например, пусть и красивая, но недоступная? Мы, мужчины, обычно не видим женщин с чистым сердцем, с праведной душой, если они ведут себя скромно. Я и сам в молодости ошибался, но вовремя понял это и изменил своё поведение. Легче всего заметить яркое, броское, крикливое, вульгарное. Сначала нам хочется, чтобы киска долго не ломалась. А потом требуем, чтобы она же была нам верна, не замечала других мужчин, посвятила себя дому и детям. Так, к сожалению, не бывает. Надо выбрать что-то одно. Нельзя требовать невозможного, мистер Гелбрейт.

Доктор говорил и смотрел, как по водной ряби скользит яхта, и чувствовал тяжесть на сердце. Похоже, развязка действительно близка – ведь Джозеф заговорил с ним о том, о чём не говорил никогда. А они были давно знакомы, много общались, и беседовали отнюдь не только о медицине и болезнях. Но никогда техасский нефтяной магнат не был так откровенен со своим личным медиком, так жалок и несчастен. Похоже, Гелбрейт страдал сейчас не от предчувствия близкой кончины, а потому, что его не любили…

– Может быть, вы в чём-то и правы, Джереми, – задумчиво, но чётко, словно окончательно оправившись, сказал больной. – Наверное, я проводил время с такими девчонками, но никогда не брал их в жёны. Вы, конечно же, слышали и о первой моей супруге, Элизабет Клемент. Конечно, это был выбор не из лучших. Она была католичкой, воспитывалась в благочестии, досталась мне девственницей. Но, к сожалению, имела врождённый порок сердца и рано умерла. Жить с ней было трудно, тоскливо, и я очень страдал. Разумеется, меня тянуло к женщинам без комплексов. Я никогда не любил Бет, и она меня тоже. Дочка целиком пошла в неё, а у сына я с трудом находил собственные черты. Я уже смирился со своим тяжким жребием и собрался жить с Бетти до могилы. Но Господь взял супругу на небеса; туда, куда всё время были устремлены её голубые заплаканные глаза. Ей надо было идти в монастырь. Бетти была буквально создана для этого. Но её родители не согласились с таким жребием для своей дочери и сделали её несчастной. Потом доктора сказали, что ей нельзя было рожать. После похорон супруги я решил начать новую жизнь, Джереми. Простите мою назойливость – скоро вы освободитесь от необходимости выслушивать меня. Вряд ли я и сейчас скажу вам то, что хочу. Но, по крайней мере, постараюсь сделать это. Присядьте, доктор, побудьте со мной. Никто во всём доме так не нуждается в вашем обществе, как я. Может быть, тогда вы поймёте, почему я всё время просматриваю эту плёнку. Джереми, об этом никто и никогда не знал. Ни родители, ни покойный брат Эндрю. И, тем более, я не говорил об этом с детьми и внуками. Даже сам с собой, наедине, я не хотел вспоминать о том, что случилось когда-то. Вышло так, что один и тот же человек разбил мою жизнь дважды. Вы, наверное, не поверите, но это так и есть. Он стал моим проклятием, злым демоном, который постоянно возникал на моём пути.

– Простите, мистер Гелбрейт, я не совсем понял.

Доктор Уайльд украдкой взглянул на часы. Он снял больному приступ удушья, улучшил его самочувствие. И теперь хотел бы немного отдохнуть, потому что по ночам тот же пациент не давал ему спать. Несмотря на лошадиные дозы наркотиков, он кричал от боли, просил спасти его от каких-то людей, которые ломились в окна и двери, умолял помочь ему, каялся в разнообразных грехах и всё время звал Энни. Пока не обессилил, кидал в них всем, что попадалось под руку, из-за чего перебил много цветочных ваз и посуды. К утру он засыпал, в полдень вставал с постели и шёл в кинозал. Когда это случалось, доктор Уайльд знал – ночью опять будет приступ.

– Вы о ком говорите?

– А вы не понимаете? Вы разве не знаете, почему застрелился мой пасынок Алекс, в смерти которого меня до сих пор обвиняет Энн? Кстати, она тоже не была особо яркой и весёлой. Конечно, вдовы встречаются разные, но эта вела себя так, словно похоронила мужа совсем недавно. А ведь к тому времени прошло уже двенадцать лет, и можно было утешиться. Я специально взял бесприданницу, чтобы потом не быть никому обязанным, ни с кем не делиться. Напротив, я желал быть благодетелем. Конечно, всем вдовам и сиротам я не мог помочь, но выбрал этих. Мне тогда казалось, что красивая женщина увядает в нищете и печали, как не сорванный цветок. И мальчишка её показался мне симпатичным, смышлёным, способным со временем стать моим помощником. Я относился к нему, как к родному сыну – даже лучше. И по-настоящему любил Энн. Я так хотел от неё детей, но ничего не вышло. Она уверяла, что виноваты тяжёлые роды двойней во время войны. Да и потом ей приходилось недоедать, много и тяжело работать. В ней была изюминка, тайна, которую я никак не мог разгадать. Под внешней холодностью, под маской показного, даже лицемерного благочестия скрывалась настоящая ведьма. В её душе бушевало пламя, не видное другим, и это было мне по сердцу. Мы оба с ней настрадались в одиночестве, а она ещё и в бедности. И потому поначалу дорожили друг другом. Этот белокурый ангел с синими глазами по ночам в постели поджаривал меня на медленном огне. В ней было столько жизни, силы, какой-то дьявольской энергии! Джереми, вы представить себе не можете, что это была за женщина! Сейчас, после смерти сына, она стала совсем

другой. Энн похожа на зомби. Она словно умерла вместе с сыном, и в то же время продолжает существовать в мире живых.

Доктор Уайльд уже забыл о том, что собирался отдохнуть перед ночным дежурством. Этот пациент один стоил целой клиники и выматывал нервы всухую. Но и платил он так, что Джереми сумел за короткое время обзавестись двумя автомобилями – для себя и для жены; а также очень приличным домом на побережье. Не в первый раз приходилось выслушивать излияния Джо Гелбрейта, но никогда он не был так откровенен. И уж, тем более, никогда не посвящал доктора в интимные подробности жизни с Энн Осборн. Действительно, сейчас трудно было представить, что сухопарая седая женщина, которая постоянно носила траур и молилась на передних скамьях в церкви, когда-то была такой страстной.

– Она ушла от меня в шестьдесят третьем году, сразу после того, как её сын застрелился. Моё счастье рухнуло, когда раздался проклятый звонок из Техас-Сити. Так бывает в жизни – всепоглощающая, ослепительная радость, а дальше – обвал, мрак. Так и случилось тогда со мной. Не знаю, как я остался жив. Но, возможно, нынешний недуг – последствие того стресса. И я тоже стал другим, отойдя от кошмарного шока. Бог благословил меня богатством, властью, силой, но отнял любовь. Я только что выполнил тогда дело всей своей жизни. А оказалось, что жизни-то больше и не было. Так случилось, что по-настоящему я прирос сердцем всего к двум женщинам. И обоих лишил меня один человек – правда, по-разному. Но только с его именем, с давних времён и навсегда, я связываю свои мытарства. Может, я и не решился бы на то, чтобы войти в столь рискованный проект. Но я хотел отомстить ему, очень хотел! А отомстил самому себе…

– Я не понимаю вас, мистер Гелбрейт. Скорее всего, я просто не в курсе того, о чём вы говорите. В какой проект вы вошли? Как вас один человек лишил обеих любимых женщин? Кому вы хотели отомстить? Может быть, лучше вам сейчас поспать, набраться сил, избавиться от тяжких воспоминаний? У всех нас были негативные моменты в прошлом, но лучше постараться там их и оставить. Я сделаю вам инъекцию очень хорошего успокоительного препарата, который ничуть не повредит самочувствию. Зная о ваших страданиях, в том числе и душевных, я купил это лекарство специально для вас…

– Нет, Джереми, не нужно. Я не хочу затуманивать мозг перед тем, как отойти в вечность. Я не буду больше злоупотреблять вашим терпением. Жаль, что я раньше не решился быть откровенным с вами. Слишком много я должен вам сказать, чтобы что-то стало понятно. Мне-то уже бояться нечего, но я не хочу отягощать и вашу душу. Вам будет трудно носить это в себе. Идите, прошу вас. И помните о том, что должны уничтожить эту плёнку, никому её не показывая. Всем будет удобнее, если она исчезнет, и вам в том числе. В ваших интересах молчать, Джереми! А сейчас идите. Пусть меня через час перевезут в спальню. Когда-то я любил смотреть, как в океан садится солнце. А теперь мне страшно смотреть на закат. Ведь это означает конец, конец всему, и жизни тоже. Прошу вас, оставьте меня. Мне нужно побыть одному…

Доктор ушёл, то и дело оглядываясь на обтянутый кожей череп, особенно ужасный рядом с яркой тканью тента и шезлонга. Несмотря на то, что больного ежедневно купали, производили косметические и гигиенические процедуры, от него несло мертвечиной. Даже привычный ко всему Джереми еле сдерживал тошноту, и Эстер держалась из последних сил. Они не говорили об этом друг с другом, но каждый про себя надеялся, что скоро всё закончится, и можно будет с чистой совестью уехать из этого дома. Медики не роптали на судьбу, несли свой крест, но втайне мечтали о том благословенном дне, когда мятежная душа Джо Гелбрейта наконец-то расстанется с гниющим телом…

Больной повернул голову в другую сторону. Теперь он смотрел не на океан, а на зеленеющий под солнцем склон невысокой горы. Дом специально построили так, чтобы он представлял собой маленькое плато. И выглядел совершенно естественно, словно был частью этой

горы. Мутные зрачки пытались поймать свет осеннего дня, чтобы в последний раз насладиться прелестью земной жизни. Но вместо умиротворения и покоя в душе вскипало раздражение на какую-то паршивую птицу, которая, не замолкая, орала в аллеях парка. А в следующую секунду он понял, почему ему так противен этот протяжный, тоскливый крик.

Здесь, недалеко от Сан-Диего, родилась и жила до замужества его мать. В этом же роскошном доме с мозаичными полами, террасами и вечно зелёными садами, дотянули свой век, и отошли в мир иной её родители. Потом умерла и сама мать, Шарлиз Гелбрейт, в девичестве Паркер,. Не стало младшего брата Эндрю. Тогда Джозеф и переехал сюда, оставил родной Техас с его краснозёмами и кактусами, среди которых часто чувствовал себя марсианином. Его потянуло к истокам, к юности, к детству. А оно не желало возвращаться, и все эти годы почему-то пряталось за дымкой забвения.

Птица так и орала; потом залаяли две собаки Джо. Теперь они избегали хозяина – чувствовали, что тот умирает. Псы терпеть не могут уродов и калек, а также тех, кому мало осталось топтать эту землю. Свой приговор Гелбрейт узнал не от Джереми Уайльда, не от других докторов из университетских клиник. Он всё понял именно тогда, когда обожаемые мраморные доги не захотели привычно взять угощение из его рук. Животные не умеют притворяться, им чуждо ханжество, они не подчиняются этикету. Обречённый вожак теряет их расположение. Он должен уйти из стаи и умереть в одиночестве.

Больной перевёл глаза на одну из колонн, которая поддерживала крышу над террасой. Отполированный камень походил на величественное надгробие; на нём только не было написано имя усопшего. Неожиданно защемило сердце, начались перебои. Худое, выболевшее насквозь тело умирающего вздрагивало беспорядочно – в такт ударам сердца.

Когда же оно, наконец, остановится? Сколько можно стучать, продлевать никчёмную муку? Всё равно никто из них уже ничего никому не докажет. Энн никогда не простит ему самоубийство Алекса. А он никогда не забудет разговора с Джоан на этой террасе. Это было так давно, года за три до начала Второй мировой…

Внезапно больной вздрогнул, широко раскрыл рот – будто хотел закричать. Но голоса не было – так случается во сне. И даже пошевелиться он не мог, не то, что уйти отсюда в спальню. Ему ничего не оставалось, кроме как смотреть перед собой. Перед шезлонгом стоял темноволосый миловидный ребёнок, мальчик лет четырёх.

Он открытым, ясным взглядом смотрел на высохшего старика и протягивал к нему руки – так, словно просился на колени. Даже если бы каменный пол террасы провалился, оттуда вырвались языки пламени, и запахло серой, Джо не испугался бы так. Он прекрасно знал этого ребёнка – в соломенной шляпке, коротких штанишках, матросской курточке и лакированных туфлях с гольфами. Знал, потому что этот ребёнок и был он сам.

Они встретились на той самой террасе, в доме, где начиналась жизнь, и где она должна была закончиться. Через недолгое время эти два человека должны были слиться в одно целое, уйти ввысь, оставив бездыханное тело в шезлонге. Ребёнок улыбался доверчиво, бесхитростно, ничуть не боясь страшного лица, лысой после химеотерапии головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.